Коварная бездна

Автор:
Ши Эрншоу

Коварная бездна

Ши Эрншоу

Разрушенный мир

Двести лет назад трех сестер Свон обвинили в колдовстве и сбросили в воды бухты Спарроу. С тех пор они возвращаются каждое лето, чтобы отомстить жителям города. Они крадут тела местных девушек и в их облике увлекают в море молодых людей. И каждый год в город стекаются туристы, завороженные историей проклятия сестер. Семнадцатилетняя Пенни Талбот живет со своей матерью на острове недалеко от города и заботится о старом маяке. Как и многие местные жители, она смирилась с судьбой города. Она знает, что и в этом году на берегу найдут три тела… Но только Пенни видит то, чего не видят другие…

Ши Эрншоу

Коварная бездна

Посвящаю родителям, которые поощряли мою необузданную фантазию.

Если на нашей планете есть магия, ищите ее в воде.

– Лорен Айзли

Море

Сестры прибыли в Спарроу в 1822 году на борту принадлежавшего пушной компании судна «Леди Астор», которое вскорости затонуло прямо на выходе из бухты.

Они стали одними из первых поселенцев города, недавно основанного на тихоокеанском побережье штата Орегон. Девушки спорхнули с трапа подобно тонконогим птицам и ступили на новую для себя землю. Вьющиеся золотисто-каштановые волосы, нежная фарфоровая кожа – они были красивы. Слишком красивы, как потом говорили горожане. Маргарита, Аврора и Хейзел часто влюблялись, но выбирали неправильных мужчин – таких, чьи сердца уже принадлежали другим. Но сестры были кокетливы и обольстительны, и мужчины не могли устоять перед ними.

Однако жители города решили, что все не так просто: они объявили сестер ведьмами, склоняющими мужчин к прелюбодеянию при помощи колдовства.

В конце июня, когда луна была лишь тонким осколком в затянутом тучами небе, к лодыжкам сестер привязали камни и сбросили их в океан сразу за мысом. И сестры опустились на дно – так же, как корабль, который привез их в Спарроу.

Глава 1

На зеркале в моей комнате прикреплена черно-белая фотография двадцатых годов прошлого века: женщина из бродячего цирка плавает в большом чане с водой. Светлые волосы развеваются, ноги спрятаны под искусственным русалочьим хвостом. Ткань – серебристый металлик – выглядит как чешуя. Женщина хрупка и ангелоподобна. Ее губы плотно сжаты – наверное, перехватило дыхание в ледяной воде. Рядом стоят несколько мужчин. Уставились, как на настоящую русалку, поверив в маскарад.

Я думаю об этом фото каждую весну, когда в городе вновь начинается шумиха, – все только и говорят о трех сестрах, которых утопили на выходе из бухты, сразу за островом Люмьер, где живем мы с мамой. Сестры представляются мне похожими на эту русалку из цирка – вот они колышутся под толщей воды, прекрасно сохранившиеся, совсем как живые. Боролись ли они за жизнь? Пытались ли удержаться на поверхности или сдались, позволив тяжелым камням утянуть себя на холодное дно Тихого океана?

Над поверхностью воды, между Люмьером и городком Спарроу, стелется промозглый утренний туман. Море спокойно. Я иду к причалу и начинаю отвязывать лодку – двухместную плоскодонку с навесным мотором. Для плавания в шторм или бурю она непригодна, зато для поездок в город и обратно – то что надо. Отис и Ольга, рыжие полосатые кошки, которые два года назад, еще котятами, загадочным образом появились на острове, провожают меня до самой воды и мяукают вслед, будто оплакивая мое отплытие. Каждое утро в одно и то же время я пересекаю бухту, чтобы успеть к началу первого урока – мировая экономика, предмет, который мне никогда не пригодится, – и каждое утро кошки провожают меня до причала.

Пульсирующий луч маяка скользит над островом и на миг выхватывает из тумана одинокий силуэт на обрывистом западном берегу. Это моя мама. Коричневый свитер обтягивает хрупкую фигурку, руки скрещены, взгляд направлен в безбрежный океан. И так каждый день: она ждет того, кто никогда не вернется. Моего отца.

Ольга трется о мои джинсы, выгнув спину и задрав хвост, просится на руки, но у меня нет времени. Я натягиваю капюшон ярко-голубого дождевика, забираюсь в лодку и дергаю за трос, пока мотор не заводится. Сквозь туман я не вижу ни берега, ни Спарроу, но я знаю, что город существует.

* * *

Из воды поднимаются высокие пилообразные мачты, похожие на зазубренные мечи, – следы былых кораблекрушений. Если не знать пути, можно налететь на один из полудюжины кораблей-призраков, до сих пор бороздящих эти воды. Подо мной лежат груды искореженного металла – ржавые цепи и обломки корпусов, в пробитых иллюминаторах устроили дома рыбы, снасти давно растворились в соленой воде. Это кладбище кораблей. Но я, так же как и

местные рыбаки, которые с легкостью отыскивают дорогу в тумане и выходят в открытое море, могу пересечь бухту с закрытыми глазами. Здесь глубоко: когда-то наш порт предназначался для больших грузовых судов, но теперь здесь можно увидеть лишь небольшие рыбацкие лодки да теплоходы с туристами. Моряки говорят, эти воды прокляты, – и они правы.

Моторка утыкается в пирс. Причал номер одиннадцать, место четыре. Здесь стоит лодка, пока я на занятиях в школе. Большинство моих одноклассников к семнадцати годам получили водительские права и ездят на подержанных машинах, купленных по объявлению или взятых у старших родственников, но мне машина ни к чему. У меня есть лодка.

Я забрасываю через плечо тяжелую холщовую сумку с учебниками и направляюсь вверх по скользкой улице к зданию средней школы Спарроу. Наш город построен на стыке двух хребтов и зажат между морем и горами, поэтому оползни здесь обычное дело. Может, когда-нибудь он полностью соскользнет в море и исчезнет с лица земли, погребенный под двенадцатью метрами воды и ила. В Спарроу нет ни ресторанов с фастфудом, ни сетевых магазинов, ни кинотеатров, ни даже «Старбакса». Городок скрыт от внешнего мира, застрял в ловушке времени. Население примерно две тысячи человек, но каждый год в начале лета количество людей намного возрастает – первого июня в Спарроу устремляются потоки туристов.

Роуз стоит на лужайке перед школой, уткнувшись в телефон, рыжую голову видно издалека. Подруга ненавидит свои кудри – их не укротить: ни в хвост завязать, ни заколоть, – а я вот завидую, мои прямые как солома волосы никогда не выглядят так хорошо, как бы я ни пыталась.

– Обещай, что сегодня от меня не сбежишь. – Роуз делает брови домиком и бросает телефон в сумку, некогда белую, а теперь изрисованную цветными маркерами, – граффити из переплетающихся темно-синих, изумрудно-зеленых и ярко-розовых линий не оставили на ней свободного места. Роуз хочет стать художницей. Она уже сейчас настоящая художница. А после окончания школы собирается уехать в Сиэтл, поступать в Институт искусств. Каждую неделю подруга напоминает мне, что не хочет ехать одна, что мы должны учиться вместе и вместе снимать жилье. Но уже три года я мастерски ухожу от ответа.

Не то чтобы мне не хочется сбежать из этого постылого дождливого города, просто я, по сути, в ловушке. На мне лежит ответственность за маму. Не могу

оставить ее одну на острове. Я – все, что у нее есть; единственное, что связывает ее с реальностью. К тому же – пусть это глупо и даже наивно – я тоже надеюсь, что однажды отец вернется. Произойдет чудо, и он появится на причале, будто никуда и не пропадал. Поэтому я должна быть дома.

В следующем году мы окончим школу, и реальность такова, что всю оставшуюся жизнь я могу провести в Спарроу. Застрять здесь навеки.

Что ж, придется мне высматривать будущее в чайных листьях на дне белых фарфоровых чашек, как это делала мама до исчезновения отца. Надо сказать, клиентов у нее было много. Горожане пересекали бухту – порой безлунными ночами и тайно, порой среди бела дня, если вопрос не терпел отлагательства, – усаживались на кухне и, постукивая пальцами по деревянной столешнице, ожидали, пока мама предскажет их судьбу. А потом оставляли на столе деньги – иногда аккуратные стопки, иногда скомканные купюры – и уходили. Мама складывала деньги в банку из-под муки, которую хранила на полке у плиты. Может быть, в этом и мое предназначение: садиться за стол, проводить пальцами по ободку чашки и разгадывать послания, скрытые в хаотичном расположении чаинок на донышке. Мои волосы тоже будут пахнуть ромашкой или лавандой…

Я много раз видела свое собственное будущее: молодой человек, принесенный ветром откуда-то из-за моря, выброшенный на остров. У него горячее сердце, а кожа соткана из воздуха и песка. Мама учила меня расшифровывать листья с пяти лет, и я всегда видела одно и то же. «Твоя судьба на дне чашки», – шептала она, укладывая меня спать. И стоит мне подумать о том, чтобы уехать из Спарроу, как в голове возникает эта картина. Остров меня не отпускает. Это моя судьба.

– Не сбегу? Я и не обещала пойти с тобой, – отвечаю я подруге.

– Нет уж, на этот раз я не позволю тебе пропустить вечеринку. – Роуз наматывает ремень сумки на большой палец. – А то в прошлом году пришлось всю ночь до рассвета провести в обществе Ханны Поттс.

– Ладно, я подумаю. – Для празднования, как всегда, два повода: открытие сезона и окончание учебного года. С одной стороны – долгожданная свобода от занятий, учителей, контрольных, с другой – надвигающийся ужас перед

возвращением сестер Свон. Обычно все напиваются в хлам и потом ничего не помнят.

– Нечего думать. Если слишком долго размышлять, только отговорки и находятся.

Она права. Я вообще-то и не хочу идти, меня не интересуют вечеринки на пляже, и мне всегда неуютно в толпе. Ведь я – та самая девушка, которая живет на острове Люмьер, чья мать сошла с ума, а отец пропал без вести, и она никогда не задерживается в городе после уроков. Целыми вечерами сидит дома, изучает расписание приливов и отливов или смотрит на лодки. И все это вместо того, чтобы пить пиво в случайной компании.

– Даже никакого наряда специально не надо, если тебе так удобнее, – добавляет Роуз.

Это никогда и не было обязательным, хотя большинство горожан держат в шкафу костюмы в стиле начала девятнадцатого века, чтобы надеть их раз в год – на открытие сезона. Но, конечно, не я.

Звенит звонок, и поток старшеклассников устремляется ко входу. В холле пахнет мастикой для полов и гнилым деревом. Стекла в оконных рамах пригнаны неплотно и дребезжат под напором ветра. Лампы дневного света мигают и потрескивают. Ни одна дверь не закрывается, потому что фундамент перекосился. Если бы я знала другой город и другую школу, эта обстановка могла бы показаться гнетущей, но я привыкла даже к тому, что во время зимних штормов протекает крыша и с потолка капает вода. Я чувствую себя здесь как дома.

Первый урок у нас в разных кабинетах, но по коридору мы идем вместе и останавливаемся напротив женского туалета.

– Не знаю, что сказать маме, – говорю я, соскабливая с ногтя большого пальца левой руки остатки лака – сногсшибательный оттенок под названием «Черничная атака». Роуз сделала мне маникюр две недели назад, когда мы в очередной раз устроили у нее дома вечер фильмов ужасов. Подруга решила, что раз уж поступаешь в Институт искусств в Сиэтле, непременно надо пересмотреть всего Альфреда Хичкока. Как будто знакомство со старыми черно-

белыми ужастиками каким-то образом причислит ее к разряду серьезных художников.

– Просто скажи, что идешь на вечеринку. Разве у тебя не может быть нормальной жизни? Или сбеги по-тихому. Может, она и не заметит.

Я забываю про ноготь и прикусываю губу. На самом деле я боюсь оставлять маму без присмотра, даже на одну ночь. А вдруг она проснется, а меня нет? Вдруг подумает, что я исчезла, так же как отец? Что, если она бросится на поиски? Или сделает еще какую-нибудь глупость?

– В любом случае, с острова ей не выбраться. Разве что пешком через океан. – Роуз внезапно осекается, и мы смотрим друг другу в глаза: пешком через океан – как раз то, чего я боюсь. Подруга быстро поясняет: – В смысле, не случится ничего страшного, если оставить ее всего на одну ночь. А сразу после рассвета вернешься.

Я молча смотрю в кабинет через открытую дверь: почти все на местах, урок по мировой экономике вот-вот начнется. Мистер Грэттон стоит у стола, постукивая ручкой по стопке бумаги.

– Пожалуйста, – умоляет Роуз, – сегодня самая грандиозная ночь в году, и я не хочу опять идти одна, как последняя дура. – В слове «последняя» звук «с» больше похож на «ш». В детстве Роуз сильно шепелявила, и в начальной школе ее вечно дразнили. Когда мы перешли в среднюю школу, Роуз целый год три раза в неделю ездила в Ньюпорт к логопеду и внезапно преобразилась. Моя застенчивая косноязычная подруга словно родилась заново, стала уверенной в себе и бесстрашной. Внешне она была прежней, но теперь излучала сияние, как некое прекрасное существо. А вот я ничуть не изменилась. Меня не оставляет чувство, что придет время, и мы даже не вспомним друг о друге. Роуз упорхнет, как пестрая экзотическая птица, случайно залетевшая в наше захолустье, а я останусь здесь – серая, невзрачная и бескрылая.

– Ладно, – сдаюсь я. Еще одна пропущенная вечеринка, и Роуз действительно перестанет считать меня своим другом.

Она широко улыбается.

– Ну наконец-то! А я уж думала, мне придется похитить тебя и утащить насильно. Увидимся после уроков. – Она поправляет сумку и уходит.

Из маленького динамика под потолком доносится звонок. Сегодня короткий день – всего два урока. А завтра первое июня. В большинстве средних школ летние каникулы не начинаются так рано, однако в Спарроу уже несколько недель идет обратный отсчет. На главной площади и в витринах магазинов давно висят афиши праздничных мероприятий, посвященных сестрам Свон.

Завтра начнется туристический сезон. Нас ждет наплыв приезжих и череда жутких и сверхъестественных событий – напасть, которой Спарроу подвергается с 1823 года, после того как сестер Свон утопили в бухте. Сегодняшняя вечеринка – это старт сезона. Он принесет с собой не только деньги многочисленных туристов, но еще и повышенный интерес к местному фольклору, очередные спекуляции на исторических событиях и новые сомнения в их правдивости. А еще, как и в любой другой год без исключения, эти три недели принесут городу смерть.

Песня

Вначале это низкий напев, накатывающий на берег вместе с приливом; настолько слабый, что почти неотличим от ветра, проникающего сквозь ставни, сквозь иллюминаторы рыбацких суденышек, сквозь неплотно закрытые двери. К утру он превращается в многоголосье, которое слышат все. Мелодия плывет над волнами – нежная, чарующая и манящая. Сестры Свон проснулись.

Глава 2

В полдень двери школы распахиваются, и старшеклассники беспорядочной толпой выбегают на улицу, радостными воплями приветствуя окончание учебы. Крики разносятся по всей территории школы. Чайки, рассевшиеся на каменном заборе вокруг лужайки, улетают в испуге.

Половина учеников и не подумала явиться в последний день, но те, кто все же пришел, по традиции вырывают листки из тетрадей и бросают на ветер – в знак освобождения.

Солнце лениво висит в небе, едва просвечивая сквозь утренний туман. Оно кажется слабым и безжизненным, неспособным обогреть ни землю, ни людей. Мы с Роуз идем по Каньон-стрит. Джинсы заправлены в резиновые сапоги, чтобы не намокли, но куртки расстегнуты. Есть надежда, что небо прояснится и за день воздух прогреется перед сегодняшней ночной вечеринкой. Впрочем, я до сих пор не в восторге от всей этой затеи.

На пересечении с Оушен-авеню мы сворачиваем направо и останавливаемся на ближайшем перекрестке у магазина, который держит мама Роуз и где моя подруга подрабатывает каждый день после школы. Сам дом с белыми кирпичными стенами и розовыми карнизами похож на маленький квадратный тортик, над стеклянной дверью вывеска с бледно-розовыми буквами на кремовом фоне: «Добрые печенюшки Альбы». Буквы приходится регулярно очищать от зеленоватого налета – вечная борьба с соленым морским воздухом.

– Сегодня моя смена всего два часа, – говорит Роуз, перебрасывая сумку на другое плечо. – Встретимся в девять на пирсе?

– Идет.

– Будь у тебя мобильник, как у всех нормальных людей, я бы отправила тебе сообщение перед выходом.

– У нас на острове все равно нет сети, – в тысячный раз напоминаю я.

– Что для меня катастрофически неудобно, – недовольно вздыхает Роуз.

Можно подумать, отсутствие связи только ей причиняет неудобства!

– Ничего, как-нибудь переживешь. – Я закатываю глаза, а подруга смеется в ответ. Ее нос и щеки усеяны веснушками, как золотым песком.

Дверь магазина резко открывается, и на порог выходит Розалия Альба, прищурив глаза, словно не видела солнца с прошлого лета.

– Здравствуй, Пенни. Как мама?

– По-прежнему, – сознаюсь я.

Они с мамой когда-то дружили. Встречались по субботам, чтобы вместе выпить чаю. Иногда мама Роуз приезжала на остров, и они пекли печенье или ежевичный пирог – колючие кусты ежевики разрослись по всему острову, и отец все грозил их выкорчевать.

Миссис Альба – одна из немногих, кому все еще есть дело до мамы. Прошло три года со дня исчезновения отца, и в городе о нем совсем позабыли – словно его никогда и не было. Хотя пустые взгляды терпеть гораздо легче, чем всеобщее любопытство. Чего мы только не наслушались в первые дни: Джон Талбот всегда был здесь чужим; он бросил жену и дочь; терпеть не мог Спарроу; сбежал из города с другой женщиной; сошел с ума на острове и вздумал перейти море вброд.

Отец был из приезжих, и в городе его так до конца и не приняли. Казалось, даже испытали облегчение, когда он исчез. Непонятно, чем он это заслужил. Но мама-то выросла в Спарроу и здесь же окончила школу. А потом поступила в колледж в Портленде и познакомилась с отцом. Они любили друг друга, и я знаю, что он бы никогда нас не бросил. Он был счастлив.

Однако три года назад что-то случилось. Отец был с нами, а на следующий день просто исчез.

– Передай маме от меня. – Миссис Альба протягивает маленькую розовую коробочку, перевязанную ленточкой в белый горошек.

– С каким вкусом? – Я разглаживаю ленточку пальцами.

– Лимон и лаванда. По новому рецепту.

Миссис Альба печет не просто печенье. Ее «добрые печенюшки» предназначены для того, чтобы стирать из памяти все самое плохое. Я сама не особо верю, что это работает, но местные и туристы поглощают ее выпечку как сильнодействующее лекарство от непрошенных мыслей. Миссис Поттс, которая живет в маленьком домике на Алебастр-стрит, утверждает, что после особенного шоколадного печенья с добавлением инжира и базилика она больше не вспоминает тот день, когда собака ее соседа Уэйна Бейли до крови прокусила ей ногу, да так, что остался зигзагообразный шрам. А почтальон мистер Ривера почти забыл, как его жена ушла к какому-то водопроводчику из Чеснат-Бэй. Подозреваю, что секрет все же в немереном количестве сахара и необычных вкусовых добавках – так что некоторое время вы только и думаете о сочетании терпкого вкуса лаванды и лимонной кислинки. В этот момент просто не до дурных мыслей.

После исчезновения отца миссис Альба передавала через меня печенья всех мыслимых и немыслимых вкусов – малина и лайм, фундук и эспрессо, морские водоросли и кокос, – в надежде, что они помогут маме забыть о случившемся. Увы, ее горе оказалось сильнее.

– Спасибо, – говорю я, и миссис Альба широко улыбается.

Ее добрые глаза всегда излучают тепло. Мама Роуз – испанка, а отец – чистокровный ирландец родом из Дублина. Сама она, к собственной досаде, умудрилась унаследовать внешность отца.

– Увидимся в девять, – киваю я подруге, и мать с дочерью исчезают за дверью. Сегодня они должны напечь как можно больше добрых печенюшек, ведь уже завтра в городе будет полно туристов.

* * *

Вечер накануне сезона всегда для меня особо тягостный. Словно темная вязкая туча давит на плечи.

Я знаю, что происходит: смерть ползет по городу, скребется в каждую дверь. Я чувствую ее. Она разлита в воздухе, в каждой капле дождя, в морской пене. Сестры возвращаются.

Номера в трех местных гостиницах забронированы на три недели вперед – до закрытия сезона, которое приурочено ко дню летнего солнцестояния. Комнаты с видом на море стоят в два раза дороже. Гостям нравится открыть окно или выйти на балкон и услышать манящий зов сестер Свон, поющих в морской глубине.

Первые туристы уже гуляют по городу, волокут чемоданы по мостовым, фотографируют бухту. Узнают, где у нас лучший кофе или горячий суп, – в первый день приезжие обычно мерзнут, и от этого холода невозможно избавиться, он пробирает до костей.

Как и большинство местных жителей, я ненавижу это время. Но мне досаждает не наплыв туристов, а устроенный изо всего этого спектакль. Вот настоящее проклятие для города!

Добравшись до причала, я запрыгиваю в лодку и бросаю сумку на заднюю скамейку. По всему правому борту на белой краске видны царапины и вмятины, похожие на азбуку Морзе. Отец перекрашивал лодку каждую весну, но в последние три года этим некому было заниматься. Иногда я сравниваю себя с этим корытом: такая же битая и поцарапанная. Отец исчез где-то в море, а я осталась ржаветь.

Я устраиваю коробочку с печеньем рядом с сумкой, пробираюсь к носу лодки и начинаю отвязывать линь. И в это время слышу глухой звук шагов: ко мне подходит парень с каким-то скомканным листком бумаги в руке. Его лицо в тени от капюшона толстовки, за плечами тяжелый рюкзак.

– Я ищу Пенни Талбот, – говорит он. Его голос как ледяная вода. – Мне сказали, она может быть на причале.

Я встаю во весь рост и пытаюсь посмотреть ему в глаза.

– А что вам от нее нужно? – Не хочется сразу сознаваться, что я и есть Пенни Талбот.

– Я нашел вот это в закусочной… в «Горячем супчике», – говорит он с запинкой, будто не уверен, что правильно запомнил название.

«Горячий супчик» – небольшое кафе, расположенное на пирсе. И по версии местной газеты «Хороший улов» – листка, над которым работает всего два человека, причем один из них мой одноклассник Тор Грэнтсон, сын владельца, – уже десятый год подряд это «Лучшая закусочная» Спарроу. В течение учебного года «Супчик» – любимое место местной молодежи, но летом мы вынуждены делить места у барной стойки и столики на открытой террасе с полчищами туристов.

– Я ищу работу, – добавляет незнакомец и показывает мне смятый листок.

Так вот в чем дело! Почти год назад я приколола к доске объявлений в «Горячем супчике» записку: «Требуется помощник по обслуживанию маяка на острове Люмьер». С некоторых пор мама ничего не могла делать, а мне одной оказалось не по силам управляться со всем. Но на предложение никто не откликнулся. Я уже и забыла про него, потому что в итоге разобралась во всем сама. А бумажка с объявлением скрылась под ворохом рекламок и визиток. Но он каким-то образом откопал ее.

– Мне больше не нужен помощник, – резко отвечаю я, бросая линь в лодку.

Ну вот, нечаянно выдала себя. Я не хочу, чтобы на острове работал чужак, о котором я ничего не знаю, которому не могу доверять. Надеялась, что отзовется какой-нибудь уставший рыбак или кто-нибудь из школы.

– Уже нашли кого-то?

– Нет. Просто сейчас мне вообще никто не требуется.

Парень проводит рукой по лбу, откидывая капюшон. И я вижу его глаза – темно-зеленые, как лес после дождя. Он примерно моего возраста или на пару лет старше. На бездомного не похож – иначе был бы чумазый и неряшливый. Но поведение выдает в нем приезжего: насторожен, все время озирается по сторонам. Вот он стискивает зубы, прикусывает губу, и оглядывается через плечо на город, мерцающий на послеполуденном солнце, будто посыпанный блестками.

– Вы приехали на фестиваль сестер Свон? – спрашиваю я.

– Фестиваль кого? – Незнакомец снова поворачивается ко мне, и в каждом его движении чувствуется твердость: в подергивании ресниц, в шевелении губ.

– Тогда зачем вы здесь?

Очевидно, он ничего не знает о сестрах Свон.

– Просто это конечная автобуса.

Это правда. Автобус петляет вдоль побережья, останавливаясь в прибрежных деревушках, пока шоссе не упирается в Спарроу. Дальше дороги нет. Горные хребты не позволяют двигаться вперед вдоль воды, можно лишь свернуть вглубь материка.

– Неподходящее время выбрали, – сообщаю я, снимая с кнехта последний канат и продолжая держаться за него, чтобы лодку не относило от причала.

– Почему? – Он засовывает руки в карманы джинсов.

– Завтра первое июня.

Выражение его лица не меняется. Да он понятия не имеет, куда попал!

– Простите, ничем не могу помочь, – говорю я, вместо того чтобы объяснить ему, что самый разумный поступок сейчас – убраться из города первым же автобусом. – Можете поискать работу на консервном заводе или наняться к рыбакам. Хотя они обычно не берут чужаков.

Парень снова прикусывает губу и смотрит вдаль мимо меня, в направлении острова.

– А где здесь можно остановиться?

– У нас есть гостиницы, но в июне они всегда забиты до отказа. Завтра начинается туристический сезон.

– А, первое июня? – эхом откликается он, словно прояснив таинственную дату, которая явно что-то значит для меня, но ничего не значит для него.

– Да. – Я дергаю за трос и завожу мотор. – Удачи вам.

По пути к острову несколько раз оглядываюсь. Он так и стоит на пирсе, смотрит на воду, как будто не зная, что делать дальше. И лишь обернувшись в последний раз, вижу, что он наконец ушел.

Глава 3

Искры большого костра улетают в серебристое вечернее небо. Мы с Роуз осторожно пробираемся вниз по ухабистому спуску на Копперс-Бич – единственный пологий участок побережья не загроможденный камнями. Узкая полоска пляжа с белым и черным песком вперемешку, которая заканчивается подводной пещерой, куда отваживаются заплывать лишь немногие: самые храбрые и самые глупые.

– Ты передала маме печенюшки? – спрашивает Роуз, совсем как врач, который прописал лекарство и хочет узнать, помогает ли оно и есть ли побочные эффекты.

* * *

Вернувшись на остров, я приняла душ в продуваемой сквозняком ванной комнате и некоторое время посидела перед маленьким прямоугольным зеркалом, раздумывая, что надеть на вечеринку. Выбрала белые джинсы и плотный черный свитер, в котором наверняка не замерзну ночью. Мама все это время сидела за столом на кухне, уставившись в чашку чая. Я вручила ей печенюшки миссис Альбы.

– Еще одни? – грустно спросила она, когда я поставила перед ней коробочку.

В Спарроу суеверия воспринимают всерьез, наравне с законом всемирного тяготения или расписанием приливов и отливов, и большинство местных жителей не сомневается, что выпечка миссис Альбы помогает с тем же успехом, что и таблетки. Так что мама послушно отправила в рот лавандово-лимонное печенье, стараясь не проронить ни крошки на растянутый коричневый свитер с наполовину закатанными рукавами, открывающими бледные тонкие руки.

По-моему, она даже не осознает, что сегодня последний день учебы, а значит, еще год и я окончу школу, и что завтра – первое июня. Не то чтобы мама совсем утратила связь с реальностью, но границы ее мира весьма условны. Как в неисправном телевизоре: картинка движется, цвета есть, а звука нет.

– Мне показалось, что я видела его сегодня, – бормочет она. – Он стоял на берегу под скалой и смотрел на меня. – Ее губы дрогнули, кусочек печенья выпал из ладони на тарелку. – Но потом пригляделась, а это всего лишь тень. Игра света.

– Мне очень жаль. – Я погладила ее руку. Я сама все еще слышу звук двери, захлопнувшейся за отцом. Вспоминаю, как он шел усталой походкой по тропинке к морю. В ту ненастную ночь, три года назад, когда он ушел и не вернулся, я смотрела ему вслед.

Он просто исчез с острова.

Его парусная шлюпка до сих пор стоит у причала, кошелек лежит на столике у выхода из дома. Ни следа. Ни записки. Ни улики.

– Иногда мне тоже кажется, что я его вижу. – Я попыталась утешить маму, но она отрешенно смотрела перед собой. Выражение ее лица спокойное и задумчивое, она молча доедает печенье.

Сидя рядом с ней за кухонным столом, я не могла не видеть в ней себя: те же длинные прямые волосы, ярко-голубые глаза, бледная кожа – мы живем в гиблом месте, куда редко заглядывает солнце. Вот только у мамы безупречная грациозная фигура, как у балерины, а я нескладная и неуклюжая. В детстве постоянно сутулилась, чтобы выглядеть ниже мальчишек из класса. И даже теперь часто ощущаю себя куклой-марионеткой, которую тянут не за те нити, так что она постоянно спотыкается.

* * *

– Не думаю, что печенье ей поможет, – отвечаю я подруге, пока мы идем по тропинке среди сухой травы и колючих кустов. – Исчезновение отца настолько крепко засело в ее голове, что снадобья бессильны.

– Даже если так, моя мама все равно не сдастся. Сегодня она сказала, что задумала новую комбинацию – пчелиная пыльца и примула, – которая, по ее мнению, поможет избавиться от худших воспоминаний.

Наконец-то пляж! Роуз берет меня под руку, и мы бодро шагаем к костру.

Большинство девушек нарядились в длинные многослойные платья и вплели ленты в волосы. Даже Роуз надела бледно-зеленое шифоновое платье с кружевами, и теперь его подол волочится по песку и тащит за собой щепки и ракушки.

У костра танцуют Оливия Грин и Лола Артурс, лучшие подруги и королевы местной молодежной элиты. Обе уже пьяны, но это никого не удивляет. Две недели назад, специально к началу сезона, девушки перекрасились в готичный черный цвет и остригли короткие прямые челки. В остальное время они блондинки с длинными волнистыми волосами. Через месяц, когда закончится сезон и вместе с ним потребность изображать из себя смерть, подруги вернутся к прежнему стилю. Оливия с Лолой любят театральные эффекты, любят менять имидж и быть в центре внимания. В прошлом году, назло родителям, обе сделали пирсинг. Оливия вставила серебряный гвоздик в левую ноздрю, а Лола – кольцо в правую.

Сейчас они бегают вокруг костра, размахивают руками и мотают головами из стороны в сторону, изображая из себя сестер Свон. Я сомневаюсь, что двести лет назад те вели себя настолько по-идиотски.

Кто-то протягивает Роуз банку пива, она делает глоток и передает ее мне. Иногда, по выходным, мы тайком от ее родителей утаскиваем из холодильника пиво или полбутылки белого вина и, вытянувшись на полу в спальне, слушаем музыку – в последнее время мы увлеклись кантри, – листаем школьный фотоальбом и дурачимся, гадая, кто с кем начнет встречаться и в кого вселятся этим летом сестры Свон.

Я делаю глоток и смотрю на хорошо знакомую толпу. Со многими мы учились вместе с первого класса, но меня не оставляет мысль, что я, по сути дела, совсем не знаю этих людей. Да, кое с кем мы перебрасывались мало что значащими фразами, типа: «Ты записал, какие параграфы по истории нам задал выучить на завтра мистер Салливан?», «Можно взять твою ручку?», «У тебя есть зарядка для телефона?», но назвать их друзьями даже не преувеличение, а полнейшая ложь. Я понимаю, что большинство моих сверстников уедут отсюда, поступят в колледж и будут жить намного интереснее, чем я. Мы всего лишь корабли, проплывающие мимо друг друга; какой смысл заводить друзей, если вскоре расставаться?

Роуз, пусть и не поднялась высоко в социальной иерархии нашей школы, она хотя бы старается проявлять дружелюбие. Идя по коридору, улыбается всем, легко и непринужденно заводит разговор в раздевалке; а в этом году Джиджи Клайн даже пригласила ее в группу поддержки нашей вечно проигрывающей баскетбольной команды. В начальной школе они с Джиджи были лучшими подругами. Увы, ничто не проходит так быстро, как школьная дружба в младших классах. Впрочем, они остались в хороших отношениях. А все благодаря характеру Роуз.

– За сестер Свон! – кричит кто-то. – И за окончание еще одного года в нашей долбаной школе! – Вверх поднимаются руки с банками пива, и по пляжу разносятся свист и громкие вопли.

Из колонок, установленных на бревне у самого костра, грохочет музыка. Роуз забирает у меня пиво и взамен сует в руки большую бутылку. Вот и до виски дело дошло.

– Гадость, – сознается подруга, скривившись от отвращения. Но тут же смеется и ободряюще подмигивает.

Я послушно вливаю в себя глоток темной бурды – горло мгновенно обжигает, руки покрываются гусиной кожей – и протягиваю бутылку стоящей справа Джиджи Клайн. Она радостно улыбается – не мне, меня она в упор не видит, а выпивке, и подносит бутылку ко рту, делая такой большой глоток, что мне чуть плохо не становится, а затем вытирает губы, не смазав безупречную коралловую помаду, и передает виски дальше по кругу.

– До полуночи два часа, – объявляет парень, стоящий по другую сторону костра, и очередная волна возгласов проносится по толпе.

Эти два часа пройдут как в угаре: дым костра, еще больше пива, еще больше виски, и с каждым глотком он обжигает все меньше. Я не собиралась пить – ну, напиваться, – но по телу разливается тепло, становится легко и свободно. Мы с Роуз весело раскачиваемся в такт музыке рядом с теми, с кем в обычной обстановке даже бы не осмелились заговорить. С теми, кто в обычной обстановке не удостоил бы нас и взглядом.

За полчаса до полуночи народ начинает подбираться ближе к воде. Хотя некоторые – слишком пьяные или слишком увлекшиеся разговором – остаются у костра.

– Ну что, кто из вас самая смелая? Кто окунется первой? – во весь голос спрашивает Дэвис Макартурс. Вид у него еще тот: светлые волосы торчат надо лбом, как рожки; веки набрякли, словно после сна.

Глухой ропот проносится по толпе. Нескольких девушек в шутку выталкивают вперед, но, оказавшись по щиколотку в воде, они тут же выскакивают обратно, поднимая брызги. Можно подумать, глубины в несколько сантиметров достаточно, чтобы сестры забрали их тела.

– Я пойду! – нараспев отвечает нетрезвый голос.

Все тянут шеи, чтобы увидеть, кто это. Оливия Грин выходит вперед и картинно делает оборот вокруг себя, так что ее бледно-желтое платье развевается вокруг бедер. Она заметно пьяна, однако толпа подбадривает ее выкриками. Оливия кланяется, приветствуя восторженных фанатов, затем поворачивается лицом к черной неподвижной бухте. Широко расставив руки, она идет к соленому морю и, едва войдя по пояс, делает прыжок, шлепнувшись животом о воду. На долю секунды Оливия исчезает из виду, затем выскакивает на поверхность и разражается диким хохотом. Трагически-черные пряди волос свисают с лица, как водоросли.

Раздаются аплодисменты. Лола вытаскивает Оливию на мелководье. Тем временем Дэвис Макартурс снова вызывает желающих, и на этот раз ответ не заставляет себя ждать.

– Я!

Роуз направляется к воде.

– Роуз, – кричу я, хватая ее за руку, – что ты задумала?

– Собираюсь окунуться.

– Нет! Нельзя!

– Я вообще не верю в сестер Свон, – заявляет подруга и подмигивает.

И толпа вырывает ее из моих объятий, увлекая к холодному океану. Мимоходом улыбнувшись Оливии, Роуз шагает навстречу воде и, войдя по пояс, ныряет – будто ее и не было. Лишь волны расходятся по сторонам. Все резко замолкают. Поверхность воды разглаживается. Даже Оливия, которая все еще стоит на мелководье, завороженно смотрит. Но Роуз все не появляется.

Пятнадцать секунд. Полминуты. Мой пульс начинает зашкаливать. Что-то случилось. Я проталкиваюсь ближе к воде, моментально протрезвев. Вот сейчас, сейчас покажутся рыжие кудри. Однако на воде нет даже ряби.

Я шагаю в воду – я должна идти за ней. У меня выбора нет, надо что-то делать. Бледный месяц равнодушно взирает с неба. И вдруг Роуз с шумным всплеском появляется из воды в десятке метров от того места, где нырнула. Я облегченно выдыхаю, а толпа ревет от восхищения, все кричат в один голос и размахивают бутылками, как будто стали свидетелями героического подвига.

Роуз переворачивается на спину и как ни в чем не бывало плывет к берегу, делая взмахи руками, как на заплыве в бассейне. Я ожидаю, что Дэвис Макартурс продолжит свой шутливый конферанс, но толпа стала неуправляемой. Девушки топчутся по щиколотку в воде, не решаясь окунуться. Народ беспорядочно разбредается по всему пляжу: одни швыряются банками из-под пива, другие пытаются пройтись колесом по мелководью.

Наконец Роуз выходит на сушу. Ее сразу окружают несколько ребят постарше и с возгласами «Дай пять!» наперебой угощают пивом. Я в этой компании лишняя,

так что ничего не остается, как отойти. Не должна она была лезть в воду – слишком рискованно. Роуз же небрежно вытирает мокрые руки и улыбается, явно довольная, что столько парней внезапно проявили к ней интерес.

Лунный свет прокладывает дорожку через пляж, и я бреду прочь от шума вечеринки – совсем недалеко, только чтобы перевести дыхание. После выпитого мир начинает трещать по швам и отклоняться от вертикали. Вспоминаю ту ночь, когда исчез отец. Тогда на небе не было ни луны, и звезд, чтобы указать ему путь назад. Будь на небе луна, он, возможно, вернулся бы к нам.

Я подумываю сбежать с вечеринки, дойти до пирса и вернуться на остров, как вдруг слышу шаги за спиной. Кто-то догоняет меня, тяжело дыша и увязая в песке.

– Эй!

Я оборачиваюсь. Позади маячит, пошатываясь, будто не может обойти меня, Лон Уиттамер, один из отъявленных тусовщиков школы.

– Привет, – нейтральным тоном отвечаю я и уступаю дорогу.

– Послушай, Перл!.. А, не… Пейсли! – Лон хохочет, не в состоянии сфокусировать на мне взгляд. – Не подсказывай! – Он грозит мне пальцем, будто я горю желанием назвать свое имя, а он хочет вспомнить его сам. – Присцилла… нет, Пенелопа…

– Так и будешь перебирать все имена на букву «п»? – У меня нет настроения с ним общаться.

– Пенни! – перебивает меня Лон.

Я отступаю на шаг, но он клонится вперед и почти падает на меня, обдавая запахом алкоголя. Каштановые волосы прилипли ко лбу, близко посаженные глаза непрерывно моргают. На нем ярко оранжевая рубашка с пальмами и розовыми фламинго. Лон обожает жуткие гавайские рубашки ярких оттенков, со всякими экзотическими птицами, ананасами и крутящими хулахуп девушками. Началось все на второй год обучения в средней школе – думаю, хотел пошутить

или выпендриться, – но теперь это его фирменный стиль. В этой рубашке он смахивает на восьмидесятилетнего старика на променаде где-нибудь в Палм-Спрингс. Только вряд ли Лон был в Палм-Спрингс, скорее, его мать заказывает одежду через интернет. Сегодня он выбрал одну из самых чудовищных расцветок.

– Пенни, ты мне всегда нравилась, – бормочет Лон.

– Серьезно?

– Ага. Ты в моем вкусе. Люблю таких девчонок.

– Да неужели? А две секунды назад ты имени моего вспомнить не мог.

Родители Лона владеют единственным в Спарроу большим магазином, который назвали именем сына – супермаркет «У Лонни». Вообще он редкостный козел: воображает себя дамским угодником, эдаким Казановой. И лишь потому, что может предложить скидки на плохо продающуюся косметику, считая это привилегией для самых достойных. Всем известно, что Лон не хранит верность своим подружкам – каждая из них не раз заставала его с другой на школьной парковке, целующимися в убитом красном пикапе с хромированными накладками и резиновыми брызговиками. Короче говоря, этот придурок и двух слов не заслуживает, даже чтобы послать его подальше.

– Чего вместе с подругой в воду не пошла? – Лон опять подбирается ближе. Его волосы торчат, как палки, – то ли потные, то ли мокрые.

– Не захотела.

– Что, боишься сестер Свон?

– Боюсь, – честно отвечаю я.

Он прищуривается, кривя губы в идиотской ухмылке.

– Может, вдвоем искупаемся?

– Спасибо, но нет. Я пойду обратно.

– А чего ты в джинсах? Даже платье не надела. – Он разглядывает меня так, будто шокирован моим видом.

– Прости, что разочаровала. – Я пытаюсь обойти его, но Лон хватает мою руку, буквально впиваясь в кожу.

– Ты не можешь просто взять и уйти! – Он икает и хлопает глазами, будто пытается не отключиться. – Мы с тобой еще не искупались.

– Сказала же, я в воду не полезу.

– Конечно-конечно! – ухмыляется Лон, считая, что я с ним заигрываю, и начинает тащить меня к морю.

– Прекрати! – Я пытаюсь оттолкнуть его свободной рукой. – Отпусти! – На этот раз я кричу громче и озираюсь вокруг. Людей полно, но они слишком пьяны и орут, как ненормальные. Меня никто не слышит.

– Разок окунемся, – бубнит он невнятно, словно выталкивая каждое слово изо рта.

Вода достает до середины икры, и мне ничего не остается, как ударить его кулаком в грудь. Он коротко вздрагивает, и выражение его лица меняется: он становится сердитым, а глаза расширяются.

– Ну все, теперь я тебя не отпущу!

Я невольно делаю шаг вперед и оказываюсь в воде уже по колено. Это еще не настолько глубоко, чтобы бояться сестер Свон, но я начинаю паниковать. Сердце колотится, ноги слабеют. Снова замахиваюсь, готовая ударить его прямо по лицу, только бы он не тащил меня дальше, как вдруг слева возникает чья-то незнакомая фигура.

Все происходит в одно мгновение: незнакомец бьет Лона в грудь, да так, что у того со свистом вырывается воздух из легких. Потеряв равновесие, он отпускает

меня, опрокидывается навзничь и шлепается в воду, размахивая руками.

Я делаю шаг назад, жадно глотая воздух, и сама чуть не падаю. Незнакомец поддерживает меня.

– Ты как? Нормально?

Я киваю. Пульс по-прежнему зашкаливает.

Лон, стоя по пояс в море в нескольких метрах от нас, сплевывает воду и откашливается. Его оранжевая рубашка промокла и стала похожей на половую тряпку.

– Ты кто такой, твою мать?!

Я вспоминаю, где видела эти широкие скулы и прямой нос. Это тот парень, что интересовался работой. Он в той же самой черной толстовке и темных джинсах, но сейчас он стоит ближе, и я могу рассмотреть его внимательнее: небольшой шрам под левым глазом, плотно сжатые губы, коротко подстриженные темные волосы. Его взгляд по-прежнему твердый и решительный, но в лунном свете он кажется более открытым, как будто я могу прочитать какой-то намек в уголках глаз или в подергивании мышц, когда он сглатывает.

Но спросить, что он здесь делает, мне не удается – Лон внезапно набрасывается на него, обзывает мудаком и грозит врезать за то, что тот толкнул его в воду. Тот даже не вздрагивает. Он пристально смотрит на Лона, который ниже него сантиметров на пятнадцать. Мускулы на шее незнакомца напряжены, но, кажется, его совершенно не волнуют угрозы и обещания надрать задницу.

Когда Лон делает паузу, чтобы глотнуть воздуха, парень поднимает бровь, как будто хочет убедиться, что тот наконец закончил болтать.

– Заставлять девушку делать то, что она не хочет, – достаточная причина, чтоб задницу надрали тебе, – ровным голосом говорит он. – Советую извиниться. Иначе придется вызывать скорую и накладывать швы, а утром тебя будет мучить головная боль.

Лон моргает, открывает рот, чтобы извергнуть очередную порцию воплей, в которых больше матерных слов, чем сути, но затем, поразмыслив, решает промолчать. Они явно в разных весовых категориях: Лон менее накачан и, вероятно, имеет меньше опыта в драках. Так что он поворачивается ко мне и униженно бормочет:

– Прости.

Он мучительно выдавливает из себя слова – даже лицо перекосилось от отвращения. Наверное, ни разу в жизни не извинялся перед девушкой… да и вообще ни перед кем. Затем отворачивается и бредет по пляжу обратно в толпу, оставляя на песке капли морской воды с промокшей одежды.

– Спасибо, – говорю я, выбираясь на берег. Мои белые джинсы мокрые ниже колен, в кроссовках хлюпает.

Незнакомец впервые слегка улыбается.

– Надеюсь, он не твой бойфренд?

– Боже, нет! Один придурок из школы. Я даже никогда раньше с ним не разговаривала.

Парень кивает и смотрит в сторону костра. Вечеринка в самом разгаре: гремит музыка, девушки с визгом носятся вдоль берега, ребята затевают потасовки, и, выясняя, кто сильнее, сминают в руках пустые банки из-под пива.

– А ты что здесь делаешь? – спрашиваю я.

– Решил устроить ночлег на пляже, а тут, оказывается, вечеринка.

– Ты собирался спать прямо здесь?

– Ну да. Поближе к скале. – Он бросает взгляд вдоль береговой линии, туда, где пляж упирается в крутой зазубренный утес.

Наверняка обошел все гостиницы в городе, а мест свободных нет. А может, гостиница ему не по карману.

– Здесь нельзя ночевать.

– Почему?

– Скоро начнется прилив, и к двум часам ночи весь пляж уйдет под воду.

Незнакомец на миг прикрывает темно-зеленые глаза, но вместо того, чтобы поинтересоваться, куда лучше перенести свой импровизированный лагерь, спрашивает:

– По какому поводу вечеринка? Что-то связанное с первым июня?

– В честь сестер Свон. Начало сезона.

– А кто такие сестры Свон?

– Ты и правда никогда о них не слышал? – Первый раз встречаю чужака, который приехал в Спарроу и понятия не имеет, что здесь происходит.

Он качает головой и переводит взгляд на мои ноги в раскисших кроссовках.

– Идем к костру. Тебе нужно обсохнуть.

– Ты тоже промок.

– Я в порядке.

– Если ты собираешься ночевать на улице, нужно высушить одежду. Иначе замерзнешь.

Он снова бросает взгляд на пляж, на темную стену утеса, у подножия которого предполагал устроиться на ночлег, и кивает. Мы вдвоем подходим к костру.

* * *

Время далеко за полночь.

Вокруг ни одного трезвого. Звезды над головой кружатся, выстраиваются в ряды и снова разбегаются. У меня шумит в голове, а кожа зудит от морской воды.

Мы находим свободное место на бревне у костра; я снимаю кроссовки и прислоняю их к кольцу камней, окружающих огонь. Мои щеки краснеют, а пальцы ног покалывает, когда кровь снова приливает к ступням. Языки пламени рвутся в небо, согревают ладони. Я искоса поглядываю на своего спутника.

– Спасибо еще раз. Ты меня спас.

– Просто оказался в нужное время в нужном месте.

– Так ведь других рыцарей поблизости не нашлось. – Я тру ладони друг о друга. Пальцы промерзли до костей. – Можешь потребовать от города устроить парад в свою честь.

Он широко улыбается, и взгляд его теплеет.

– Похоже, требования к героям у вас довольно низкие.

– Мы просто очень любим парады.

Он снова улыбается.

И это кое-что значит. Я не знаю, что именно, но он меня заинтриговал. Кажется одновременно и хорошо знакомым, и чужаком.

Роуз стоит у кромки воды в окружении троих парней, которые, после ее заплыва, вдруг проявили к ней интерес. Что ж, по крайней мере, она не одна и больше не лезет в воду. Большая часть собравшихся вернулась к костру. Снова раздают пиво. У меня до сих пор кружится голова от выпитого виски, так что я ставлю банку в песок рядом с собой.

– Как тебя зовут?

– Бо. – Он делает большой глоток, непринужденно держа банку в правой руке. Ведет себя естественно, явно не испытывает неловкости, находясь в чужом городе и в окружении незнакомых людей. И никого, кажется, и не волнует, его присутствие.

– А меня Пенни. – У него такие зеленые глаза, взгляд не отвести… Я выкручиваю кончики волос, выжимая из них оставшуюся воду. – Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

Над нами клубится дым костра; музыка гремит не переставая. Оливия и Лола топчутся у самого огня, обнимая друг друга за талию, – уже совсем никакие.

– Это и есть сестры Свон?

С иссиня-черными волосами и даже пирсингом в одном стиле Оливия с Лолой и правда очень похожи. Неудивительно, что Бо принял их за родственниц.

– Нет, всего лишь подруги, – смеюсь я и зарываюсь в песок пальцами ног. – Сестры Свон умерли.

Он в недоумении поворачивается ко мне.

– Да нет, не только что. Они утонули в бухте двести лет назад.

– Несчастный случай? Или утопились?

Оливия, стоящая неподалеку, громко смеется. Наверное, услышала его вопрос.

– Это было убийство, – отвечает она вместо меня, разглядывая Бо. Коралловые губы изгибаются в улыбке. Он явно ее заинтересовал, но кто бы сомневался.

– Не убийство, а казнь, – возражает Лола. Ее покачивает из стороны в сторону.

Оливия согласно кивает и оглядывает толпу.

– Дэвис! Расскажи легенду.

Дэвис Макартурс выпускает из рук девушку с короткой растрепанной стрижкой, ухмыляется и подходит к костру. Пересказывать историю о сестрах Свон давно стало традицией, и Дэвис явно польщен, что эта честь выпала ему. Он забирается на пенек, оглядывает слушателей и произносит нарочито громко:

– Двести лет назад…

– Сначала! – перебивает Лола.

– Я и так сначала! – Дэвис делает глоток пива, вытирает губы и снова окидывает взглядом толпу, чтобы убедиться, что все слушают. – Сестры Свон прибыли в Спарроу на корабле, который назывался… не помню, как он там назывался… не важно. – Он с ухмылкой поднимает брови. – Важно только одно: они лгали о том, кто они такие.

– Неправда! – выпаливает Джиджи Клайн.

– Все девчонки лгут, – Дэвис хмурится, недовольный, что его снова прервали.

Несколько молодых людей смеются. Девушки издают неодобрительные возгласы, одна даже бросает в Дэвиса пустую банку из-под пива, целясь в голову, и он едва успевает пригнуться.

Джиджи фыркает и мотает головой.

– Они были красивы! И не их вина, что все мужчины в этом городе не могли устоять перед ними и влюблялись, даже женатые.

Мне хочется объяснить, что они были не просто красивыми. Они были необыкновенными, потрясающими, обворожительными! До этого никто в городе не встречал подобных женщин. Мы выросли на легенде о сестрах. Мы с детства слушали, как жители Спарроу обвинили их в колдовстве, в том, что они овладевали разумом их мужей, братьев и женихов. А ведь сестры не заставляли

мужчин влюбляться!

– Это была не любовь, а похоть, – рявкает Дэвис.

– Может, и так, – соглашается Джиджи. – Сестры все равно не заслужили такой смерти!

Дэвис громко хохочет, его лицо раскраснелось от жара костра.

– Они были ведьмами!

Джиджи закатывает глаза.

– Может, этот город ненавидел их только за то, что они были другими. Проще убить, чем признать, что все мужики тут были тупоголовыми козлами и женоненавистниками!

Две девушки рядом со мной прыскают от смеха, проливая выпивку.

Бо спрашивает меня негромко, чтобы никто другой не слышал:

– Сестер убили за то, что они были ведьмами?

– Привязали к ногам камни и утопили в бухте, – тихо отвечаю я. – Чтобы обвинить в колдовстве, особых улик не требуется – большинство горожан к тому моменту уже ненавидели сестер Свон, так что вердикт вынесли без промедления.

Бо пристально смотрит на меня. Наверняка решил, что мы все это придумали.

– А если они не ведьмы, то почему, черт возьми, вернулись на следующее лето? – возражает Дэвис, глядя на Джиджи сверху вниз. – Почему с тех пор они возвращаются каждое лето?

Джиджи пожимает плечами – спорить с ним она однозначно не намерена. Девушка бросает банку из-под пива в огонь и уходит нетвердой походкой прочь

от костра, игнорируя вопрос.

– Может, сестры Свон как раз тебя и выберут сегодня ночью! Вот тогда посмотрим, что ты скажешь, ведьмы они или нет!

Дэвис выливает в себя остатки пива и сжимает банку в кулаке. Очевидно, отказавшись от намерения пересказывать легенду о сестрах, он неуклюже спрыгивает с пня и переключает внимание на свою подружку с короткой стрижкой.

– Что он имел в виду под «возвращаются каждое лето»? – спрашивает Бо.

– Первого июня, ровно через год после того как сестер утопили, – отвечаю я, глядя, как огонь пожирает сухие обломки древесины, собранные по всему пляжу, – люди услышали доносящееся из бухты пение. Сначала они решили, что им чудится, что это гудки проходящих мимо кораблей эхом отражаются от поверхности океана, или крики чаек, или просто ветер. Но в течение нескольких дней трех девушек заманили на берег: они нырнули в море и полностью скрылись под поверхностью воды – сестры Свон выбрали себе тела. И одна за другой Маргарита, Аврора и Хейзел приняли человеческий облик, вселившись в местных девушек, и вышли из моря в их облике.

К костру, шатаясь, подходит Эбигейл Кернс. Она вся промокла – ее обычно вьющиеся темные волосы зачесаны назад, насквозь пропитанные морской водой. Она садится на корточки рядом с костром.

– Так вот почему девушки лезут в воду. – Бо отводит взгляд от Эбигейл и снова смотрит на меня.

– Это стало ежегодной традицией – бросить вызов, искупаться в бухте с риском быть украденной сестрами Свон.

– А ты хоть раз осмелилась?

– Нет. – Я качаю головой.

– Значит, ты веришь во все это? Что одна из сестер может в тебя вселиться? – Его лицо освещает внезапная вспышка пламени, когда кто-то бросает в костер еще одно полено.

– Да, верю. Потому что это случается каждый год.

– Ты видела своими глазами?

– Не то чтобы видела. Так не бывает, чтобы девушка вышла из воды и заявила, что она Маргарита, Аврора или Хейзел. Им нужно слиться с местными, вести себя нормально.

– Зачем?

– Потому что сестры похищают тела не только для того, чтобы вновь стать живыми, – они охвачены жаждой мести.

– Мести кому?

– Городу.

Бо искоса смотрит на меня – шрам под его левым глазом изгибается – и задает очевидный вопрос:

– За что они мстят?

Меня слегка мутит, в висках стучит. Не надо было столько пить.

– Сестры Свон выбирают молодых людей и соблазняют их. – Я на мгновение прижимаю палец к правому виску. – Как только все три сестры завладеют телами девушек… начинаются смерти. – Я делаю паузу для наилучшего эффекта, но Бо даже не моргает. Его лицо внезапно напрягается, как будто в голову пришла неожиданная мысль. Возможно, он не думал, что эта история будет про реальные жертвы. – В течение следующих трех недель, до летнего солнцестояния – вернее, до полуночи этого дня, – сестры в облике трех местных девушек будут заманивать молодых людей в воду и топить их в бухте. Они забирают их души… И мстят городу.

Справа кто-то икает и роняет банку пива прямо мне под ноги, бурая жидкость проливается на песок.

– Каждый год в бухте тонут молодые люди, – продолжаю я, глядя в огонь прямо перед собой. Даже если не верить в легенду о сестрах Свон, невозможно игнорировать тот факт, что весь июнь Спарроу преследует смерть.

Я видела, как тела вытаскивали из воды. Видела, как моя мама утешала скорбящих матерей, которые приходили к ней узнать судьбу, умоляя найти способ вернуть сыновей. Мама сжимала руки несчастных и уверяла, что боль утихнет со временем. Нет никакого способа вернуть тех, кого забрали сестры. Есть только смирение.

Не только местные находили свою смерть в бухте, с туристами это случалось не реже. Кто-то из мальчишек, стоящих сейчас у костра, – лица покраснели от жара и алкоголя, – совсем скоро будет обнаружен болтающимся на волнах лицом вниз, разбухшим от соленой воды. Конечно, сейчас об этом никто не задумывается, каждый верит в свою неуязвимость. До тех пор, пока не будет поздно.

Мне становится не по себе от мысли, что люди, которых я знаю чуть ли не с рождения, могут не дожить до конца лета.

– Но кто-то должен был заметить, кто их топит. – В голосе Бо слышится явное любопытство. Трудно не поддаться очарованию легенды, которая становится правдой из года в год.

– Никто и никогда не видел, как их заманивают в воду, а тела обнаруживают, когда уже слишком поздно.

– А может, это самоубийства?

– Полиция предпочитает именно эту версию. Якобы старшеклассники совершают групповое самоубийство. Приносят себя в жертву ради сохранения легенды.

– Но ты в это не веришь?

– Убивать себя ради какого-то мифа? – Я с ужасом вспоминаю, как выглядели утопленники, когда их сгружали на причал. Они были похожи на выпотрошенных рыб – раздутые тела, распахнутые глаза и приоткрытые рты. – Как только одна из сестер Свон подойдет к тебе, прошепчет на ухо несколько слов и пообещает свою любовь, ты не сможешь сопротивляться. Она заманит тебя в море, увлечет под воду и не отпустит, пока жизнь не покинет твое тело.

Бо мотает головой и одним глотком приканчивает пиво.

– И люди приезжают сюда, чтобы посмотреть на все это?

– Да. Мрачный туризм, так это называется. Обычно все превращается в охоту на ведьм: местные и туристы пытаются вычислить девушек, в которых вселились сестры, и найти ответственных за смерти.

– Разве не рискованно спекулировать на том, что нельзя доказать?

– Именно, – соглашаюсь я. – В первые годы после казни Маргариты, Авроры и Хейзел многих местных девушек повесили по подозрению в том, что в них вселились сестры. Но, очевидно, расправились не с теми, потому что год за годом сестры снова возвращаются.

– Допустим, твое тело выберет одна из сестер. Разве ты сама не будешь об этом знать? Разве не будешь помнить потом, когда все закончится? – Бо тянет ближе к огню натруженные, огрубевшие ладони.

Я отвожу взгляд.

– Некоторые девушки рассказывают о смутных летних воспоминаниях: будто бы они много целовались с разными парнями, много плавали в море, бродили где-то по ночам. Но, скорее всего, причина помутнения их разума в немереном количестве спиртного, а не в сестрах Свон. Говорят, сестры забирают тело вместе с памятью, а избранные ими девушки живут обычной жизнью, ведут себя естественно, и никто не догадывается, что они не те, за кого себя выдают. Уходя, сестры стирают лишние воспоминания, и хозяйки тел остаются в неведении. Если их разоблачат, город ни перед чем не остановится, чтобы покончить с проклятием.

– Даже перед убийством?

– Единственный способ не дать сестрам вернуться в море, это убить девушек, в которых они вселились.

Бо подается вперед и неотрывно смотрит на пламя костра – то ли вспоминает о чем-то, то ли мысленно он уже не здесь.

– И вы это празднуете каждый год… – наконец говорит он. – Напиваетесь и плаваете в бухте, хотя знаете, что будет дальше? Знаете, что умрут люди… Вы просто смирились?

Я понимаю, почему ему – чужаку – это кажется странным, но я рассказала как есть. Как было всегда.

– Наш город искупает свою вину. Двести лет назад мы утопили в океане трех девушек, и с тех пор расплачиваемся каждое лето. И мы не можем этого изменить.

– Но почему люди просто не уехали отсюда?

– Кое-кто уехал; но семьи, которые живут здесь с давних пор, предпочли остаться. Наверное, они считают это своим долгом.

Внезапно с моря налетает легкий бриз и раздувает костер. Искры выстреливают в небо, как напуганные светлячки. По толпе проносится волнение.

– Начинается! – кричит кто-то, стоящий у кромки воды. И все, кто сидел у костра, вскакивают и пробираются ближе к морю. Я тоже встаю и иду вперед.

– Что начинается? – спрашивает Бо.

– Песня.

Глава 4

Лунный свет стекает в море, образуя на воде призрачную дорожку.

Бо не торопится уходить от костра. Сидит, положив руки на колени и плотно сжав губы. Похоже, он во все это не верит. Но все-таки встает, оставив пустую банку из-под пива на песке, и идет следом за мной к воде, где уже столпилась куча народа. Многие девчонки насквозь мокрые и дрожат от холода.

– Тсс, – шепчет одна из них, и все замолкают. Никто даже не шелохнется.

Проходит несколько секунд, прохладный ветер скользит по поверхности моря, и я ловлю себя на том, что задержала дыхание. Каждое лето происходит одно и то же, но я прислушиваюсь и жду будто в первый раз. Как в театре: первые ноты из оркестровой ямы и вот-вот поднимется занавес.

И вот раздается тихое и томное, как летний день, подобие песни, слова которой неразличимы. Одни говорят, что она на французском, другие, что португальском, но перевода нет, потому что это не настоящий язык. Песня поднимается из океана и долетает до нас. Ласковая и чарующая, будто мать убаюкивает ребенка. И словно по сигналу, две девушки, стоящие у самой кромки воды, делают несколько неуверенных шагов в море, не в силах сопротивляться.

Парни тут же кидаются за ними и вытаскивают из воды. Теперь не время для шуток: больше никто не будет уговаривать девчонок искупаться. Опасность стала реальной.

Мелодия вьется вокруг меня: словно невидимые пальцы скользят по коже, нащупывают горло, влекут за собой, умоляют подчиниться. Я закрываю глаза и делаю шаг вперед, прежде чем осознаю, что происходит. Чья-то сильная и теплая рука удерживает меня.

– Куда ты? – тихо спрашивает Бо.

Я встряхиваю головой. Сама не знаю. Он не отпускает мою руку. Сжимает ее еще крепче, словно боится отпустить.

– Это действительно идет из воды? – спрашивает он тихим голосом, глядя на темное опасное море, как будто не верит собственным ушам.

Я киваю. Меня вдруг начинает клонить в сон. Алкоголь сделал мое тело слабым и восприимчивым к зову их песни.

– Теперь ты понимаешь, зачем к нам едут туристы? Хотят услышать пение сестер. Убедиться, что наша легенда – правда.

Теплая ладонь согревает мою руку, и я прижимаюсь к Бо, цепляюсь, как за якорь, чтобы не упасть.

– Долго они будут петь?

– Пока каждая из них не заманит в воду девушку и не возьмет ее тело. – Я стискиваю зубы. – Пение продолжается днем и ночью. Иногда неделями, иногда несколько дней. Если девчонки не перестанут лезть в воду, сестры могут найти себе тела уже сегодня.

– Ты боишься?

У самой воды остались только мы – все ушли к костру, в безопасное место, подальше от соблазна. Бо по-прежнему держит меня за руку, а я словно приросла к песку.

– Да, – сознаюсь я и вздрагиваю всем телом. – Я обычно не прихожу на эту вечеринку: остаюсь дома, заперевшись в своей комнате.

Когда отец был жив, он всю ночь сидел у входной двери, стерег меня – на случай если желание окунуться в море окажется для меня невыносимым. А потом отца не стало. Тогда я стала спать в наушниках и засовывать голову под подушку, пока пение не прекращалось.

Я считаю себя сильнее большинства – бесплотным голосам нелегко меня соблазнить. Мама порой говорит, что мы с ней сами похожи на сестер Свон. Мы не такие, как остальные горожане. Отшельницы, живущие на острове и предсказывающие судьбу по хаотичному расположению чайных листьев на дне

чашки. Но возможно ли вообще жить в таком месте, как Спарроу, и оставаться нормальным? Может быть, мы все здесь со странностями, которые стараемся скрыть от других, – видим то, чего сами не можем объяснить, неизвестно чего желаем, неизвестно от чего бежим.

– Некоторые девчонки мечтают отдать свои тела сестрам, – шепчу я. Мне трудно даже представить нечто подобное. – Будто бы это честь. А другие заявляют, что с ними подобное уже происходило. Скорее всего, хотят привлечь к себе внимание.

Сестры Свон всегда выбирают девушек моего возраста – возраста, в котором умерли, – будто хотят стать прежними, пусть даже совсем ненадолго.

Бо вздыхает и поворачивается к костру. Празднование разошлось с новой силой: до восхода солнца никто не должен уснуть, чтобы не пропустить начало лета и чтобы ни в кого из девчонок не вселились сестры Свон. Но я чувствую нерешительность Бо – может быть, с него хватит.

– Пойду заберу свои вещи и поищу новое место для ночлега. – Бо отпускает мою руку. Но его тепло осталось со мной и растекается по всему телу.

– Тебе все еще нужна работа?

Его губы плотно сжаты, как будто он перекатывает слова во рту, выбирая, что сказать.

– Ты была права – никто не хочет нанимать чужака.

– Ну, я была неправа, когда говорила, что не нуждаюсь в помощи, – признаю я со вздохом.

Я понимаю, что Бо такой же чужак, как и мой отец, а наш городок может быть жестоким и беспощадным. А еще я знаю, что Бо долго не протянет, если не увести его подальше от бухты, – сестры вот-вот найдут себе тела и начнут свою месть. Или, может, мне действительно необходима помощь на маяке. Хотя я почти ничего не знаю о Бо, такое ощущение, что он всегда был рядом. И было бы неплохо, если на острове будет кто-то, с кем можно поговорить и кто не

соскальзывает в медленное и оцепенелое безумие. Жить с мамой все равно что жить с тенью.

– Мы не сможем платить много, но жильем и питанием обеспечим.

Отца официально так и не признали умершим, поэтому страховка нам не светит. Вскоре после его исчезновения мама перестала гадать. Больше доходов у нас нет. К счастью, отец оставил некоторые сбережения; на три года нам хватило и, возможно, хватит еще на два, а там придется искать другой источник средств к существованию.

Бо чешет в затылке, слегка наклонив голову. Я знаю, что выбора у него нет, но он раздумывает.

– Ладно. Но не обещаю остаться надолго.

– Договорились.

* * *

Я подхожу к костру забрать кроссовки. Рядом с Роуз стоит Хит Белзер.

– Я домой.

– Нет! – преувеличенно возмущается Роуз и хватает меня за руку. – А я?

– Если хочешь, могу отвести тебя домой. – Она живет всего в нескольких кварталах, но отпускать ее одну не стоит. По темноте, да еще нетрезвую…

– Я ее провожу, – предлагает Хит. У него темно-зеленые глаза и рыжеватые волосы, которые лезут на лоб. Привлекательный, хотя на вид несколько заторможен – классический «хороший мальчик». У Хита Белзера четыре старшие сестры, они давно окончили школу и уехали из Спарроу, но их брат так и остался известен как «Малыш Хит, тот самый, которого с детства поколачивали девчонки». Однажды в школьную лабораторию залетела голубая сойка – так он спасал ее весь обеденный перерыв, пока наконец не сумел поймать и выпустить

в окно.

– Ты же не бросишь ее?

– Обещаю проводить до самого дома, – говорит Хит, честно глядя мне в глаза.

– Смотри, если что…

– Да ничего со мной не случится. Завтра позвоню. – Роуз обнимает меня и стискивает руку, обдавая ароматом виски.

– Ну ладно. И больше никаких заплывов.

– Никаких заплывов! – громко обещает Роуз, подбрасывая вверх банку из-под пива.

Толпа подхватывает:

– Никаких заплывов!

Мы с Бо идем к утесу за его рюкзаком, а нестройный хор голосов несется вслед, смешиваясь с далеким пением, поднимающимся из воды вместе с приливом.

* * *

Отис и Ольга ждут на причале, пока я медленно подруливаю и глушу мотор. Мы пересекли бухту в темноте – даже мимо кладбища кораблей проплыли без единого огня. Манящий шепот сестер скользил по воде, и казалось, мы плывем вслед за песней.

Закрепив лодку, наклоняюсь и глажу стройные спины. Кошки слегка вымокли и недовольны, что хозяйка вернулась так поздно.

– Вы что, всю ночь меня прождали? – шепчу я им.

Бо спрыгивает на причал с рюкзаком в руках, задирает голову и смотрит через остров на маяк. Сигнальный огонь на миг выхватывает нас из тьмы и скользит дальше, продолжая свой круг по часовой стрелке над Тихим океаном.

В темноте остров Люмьер кажется жутким и мрачным. Обитель призраков, где души давно умерших моряков бродят в поросших мхом лощинах, среди камышей и искореженных деревьев. Но бояться надо не острова, а окружающих его вод.

– Днем здесь не так мрачно, – заверяю я Бо, когда мы проходим мимо «Песни ветров» – небольшой старой шлюпки со спущенными парусами, покачивающейся по другую сторону причала. Три года она стоит без движения. Имя придумал не отец – она так и называлась, когда он купил ее десять лет назад. Но «Песнь ветров» подходит как нельзя лучше, принимая во внимание голоса, звучащие над морем каждое лето.

Отис и Ольга бегут за мной, Бо замыкает шествие.

Остров имеет форму полумесяца. Пологий берег обращен к материку, а противоположный, изрезанный волнами, смотрит в открытый океан. Наш с мамой двухэтажный дом, выкрашенный в голубой цвет, стоит неподалеку от маяка; по всему острову разбросано множество небольших построек – возведенных, снесенных, пристроенных и перестроенных за все эти годы: дровяной сарай, подсобка для инструментов и давно заброшенная теплица, и два жилых коттеджа – «Старый рыбак» и «Якорь». Я веду Бо в «Якорь», он поновее. В свое время, когда на острове еще был обслуживающий персонал, в этих коттеджах жили повара и механики.

Мы направляемся к центру острова вверх по извилистой дорожке с бревенчатым настилом. Воздух туманный и прохладный.

– Ты всегда жила на острове? – спрашивает Бо.

– Я родилась здесь.

– Прямо здесь?

– Моя мама предпочла бы, чтобы это произошло в больнице в Ньюпорте в часе езды отсюда или на худой конец в больнице Спарроу, – но здесь судьбами людей повелевает море. Внезапно начался зимний шторм, остров занесло снегом почти в полметра глубиной, а бухту накрыла белая мгла. Так что пришлось мне явиться в этот мир дома. – Меня водит из стороны в сторону. Надо же, алкоголь до сих пор не выветрился, не могу сфокусироваться. – Папа говорил, я была создана для этого места. И остров меня не отпустит.

Да, я всегда принадлежала острову. А вот отец – никогда. Город не смог смириться, что чужак купил остров и маяк. Хотя мама родилась в Спарроу.

Отец был архитектором-фрилансером. Он спроектировал немало летних домиков по всему побережью Орегона и даже новую библиотеку в городке Депо-Бэй. А до того, сразу после женитьбы, работал в строительной фирме в Портленде. Мама же всегда скучала по родному городу и буквально рвалась в Спарроу. Хотя после смерти родителей у нее никого в городе не осталось – мама была единственным ребенком в семье, – лишь здесь она чувствовала себя дома. Так что когда они увидели объявление о продаже острова Люмьер – в том числе маяка, который правительство штата вывело из эксплуатации, поскольку в бухту Спарроу перестали заходить большие суда, – то не упустили свой шанс. Маяк имел историческое значение как первая капитальная постройка в городе и до сих пор был нужен местным рыбакам. Мечта родителей сбылась. Отец планировал со временем перестроить и отремонтировать старый фермерский дом, чтобы он стал по-настоящему нашим. Не успел.

После его исчезновения на остров приезжали полицейские, однако дело так и не сдвинулось с мертвой точки. А жители города и не подумали организовать поиски. Они не вышли на лодках в море, не стали прочесывать бухту. Для них отец вообще никогда не принадлежал этому месту. Вот поэтому какая-то часть меня ненавидит этот город и этих бездушных людей. Точно так же двести лет назад им внушали страх сестры Свон… и их убили. Убили за то, что они были другими.

Мы сворачиваем направо, оставляя позади ярко освещенный главный дом, и уходим дальше, в темноту.

Вот наконец и небольшой каменный коттедж в центре острова. К двери приколочены обрезки истрепанных веревок, образующие надпись: «Якорь». Коттедж не заперт. К счастью, когда я щелкаю выключателем прямо за входной

дверью, торшер на другом конце комнаты мигает и загорается.

Отис и Ольга проскальзывают мимо моих ног и с любопытством принюхиваются. Нечасто им приходилось здесь бывать. Внутри холодно и сыро и плесень, от которой невозможно избавиться.

На кухне я нащупываю выключатель рядом с раковиной, и над головой зажигается лампочка. Опускаюсь на колени, нахожу шнур от холодильника и втыкаю в розетку. Тот сразу же начинает гудеть. Небольшая спальня расположена рядом с гостиной: у стены стоит облупившийся деревянный шкаф, у окна – кровать с металлической сеткой. Матрас в наличии, но нет ни подушек, ни одеял.

– Постельное белье и все остальное принесу завтра.

– У меня есть спальник. – Бо ставит рюкзак на пол. – Не беспокойся.

– Если захочешь растопить камин, дрова в сарае, вверх по тропинке. Еды на кухне нет. Утром приходи завтракать в дом.

– Спасибо.

– Тут, конечно, могло бы… – Не знаю, как извиниться за то, что здесь так мрачно и затхло.

– Все лучше, чем спать на пляже. – Бо сам находит верные слова, чем несказанно меня выручает. Улыбаюсь и чувствую, как внезапно накатывают слабость и головокружение. Я засыпаю на ходу.

– Увидимся утром.

Жду, когда Бо что-нибудь ответит, но он молчит. Пауза затягивается. Тогда я просто разворачиваюсь и ухожу.

Отис и Ольга выбегают следом и провожают меня до самого дома. На заднем крыльце горит свет; я специально оставила его включенным.

Остров

Ветер никогда не стихает.

Он с воем обрушивается на остров, срывает обшивку со стен и черепицу с крыш. Ветер приносит дождь и соленый воздух, а зимой иногда и снег. Но в начале каждого лета в него вплетаются чарующие и леденящие кровь голоса трех сестер – узниц моря, жаждущих завладеть новыми телами.

Песня поднимается из черных вод бухты; проникает в сны; пропитывает ломкие травы вдоль крутых утесов; оседает на разрушенных стенах, на камнях у основания маяка; разливается по воздуху и в конце концов пронизывает весь остров – мелодия в каждом вдохе, ее вкус на губах.

Песня выбирает тех, кто не в силах сопротивляться, выманивает из постелей и ведет к берегу… Невидимые пальцы нащупывают горло, увлекают в самую глубину бухты – и там, на дне, среди обломков давно затонувших кораблей, когда в легких не остается воздуха, в тело проскальзывает другое существо.

Сестры покидают свою подводную могилу и возвращаются из небытия. Они похищают тела трех девушек и выходят на берег в их образе.

В этом году все случилось очень быстро.

Глава 5

Мне снится, что я тону – в горло заливается морская вода. Я резко подскакиваю на постели, комкая белые простыни. Легкие горят от нехватки воздуха, но это всего лишь кошмар.

В голове пульсация, во рту отвратительный привкус вчерашнего виски.

Проходит несколько секунд, прежде чем осознаю, где я, – в мыслях все еще прошлая ночь. Скидываю одеяло и опускаю ноги на деревянный пол. Тело окостенело и болит, череп буквально разламывается. Сквозь бледно-желтые занавески в комнату проникает солнце, отражается от белых стен, белого шкафа и белого потолка. Почти ослепляет меня.

Я прижимаю ладони к глазам и зеваю. В большом зеркале в дверце шкафа мое отражение: черные круги под глазами, хвост растрепался, выбившиеся каштановые пряди висят сосульками. Ужасный вид.

Пол холодный. Я подхожу к одному из массивных окон, выходящих на неспокойное море, и поднимаю вверх раму.

Сквозь шум ветра по-прежнему доносится еле слышная песня.

* * *

По кухне плывет аромат сахарной пудры и кленового сиропа. Мама стоит у плиты. Ее темные волосы заплетены в косу, спускающуюся по спине коричневой змеей. Я никак не могу окончательно проснуться. Меня словно вынесло на берег приливом – голова кружится, саму мотает из стороны в сторону.

– Есть хочешь? – спрашивает мама, не поворачивая головы.

Я с увлечением наблюдаю за ее движениями – есть что-то успокаивающее в том, как она подсовывает лопаточку под рыхлые оладьи и переворачивает их. Обычно она не готовит завтрак – больше не готовит, – так что это редкое явление. Что-то случилось. На мгновение позволяю себе воспоминание: вот мама печет вафли с домашним черничным вареньем, ее лицо раскраснелось от жара, губы чему-то улыбаются, глаза прищурены от утреннего солнца. Тогда она была счастлива.

– Пока нет, – отвечаю я, дотрагиваясь до живота. Меня мутит. Есть прямо сейчас не стоит, все равно стошнит. Подхожу к буфету, где в образцовом порядке выстроились одинаковые серебристые баночки. Они не подписаны, но я знаю, где что: лаванда и ромашка, «Эрл Грей» с розовыми лепестками, кардамон, марокканская мята, «Жемчужный дракон» с жасмином. Кипячу чайник,

завариваю «Эрл Грей» и прислоняюсь к буфету, вдыхая сладковатый аромат.

– У нас гости, – вдруг говорит мама, перекладывая стопку подрумяненных оладий на белую тарелку.

Я в недоумении озираюсь – в доме тишина.

– Кто?

Мама изучает мое помятое от недосыпа лицо. Тошнота накатывает волнами, и я крепче сжимаю губы, чтобы удержаться. Она пристально смотрит на меня, как будто не совсем меня узнает. Затем опускает глаза.

– Мальчик, которого ты привезла на остров прошлой ночью.

Воспоминания снова нахлынули на меня: пляж, Бо, и то, что я предложила ему работу на маяке…

– Он местный?

– Нет. – Вспоминаю, как у причала Бо сказал, что ищет работу. – Приехал в город вчера.

– На фестиваль? – Мама убирает сковороду и выключает плиту.

– Нет, не турист.

– Ему можно доверять?

– Я не знаю, – отвечаю честно, ведь я и правда ничего о нем не знаю.

– Ну что же, – она поворачивается ко мне, засунув руки в карманы теплого черного платья, – он как раз проснулся. Отнеси ему завтрак. Не хочу пускать в свой дом чужих.

Это еще один мамин дар: она чувствует, когда на острове появляются посторонние и даже когда они только приближаются к нему. Вот почему она поднялась ни свет ни заря, бросилась к плите и достала свою лучшую сковородку. Мама может не пустить чужака в дом, может не доверять ему, однако голодать не позволит. Такой уж она человек. Даже горе не может удержать ее от доброты.

Она поливает кленовым сиропом стопку теплых оладий и передает мне тарелку.

– И одеяла прихвати, а то он замерзнет.

Даже не спросила, зачем он здесь, почему я привезла его на остров. Может быть, ей все равно.

Я засовываю ноги в зеленые резиновые сапоги и набрасываю черный дождевик, затем достаю из шкафа в прихожей постельное белье и теплые шерстяные одеяла. Выхожу на улицу, прикрывая ладонью блюдо, иначе дождь превратит оладьи в месиво из муки и сахара.

По обе стороны от дорожки собираются лужи, и иногда кажется, что дождь поднимается с земли, а не идет сверху – как в стеклянном снежном шаре только вместо снега вода. Ветер бьет мне в лицо.

Крепкая деревянная дверь дребезжит, когда я стучу, и Бо открывает ее почти мгновенно, как будто как раз собрался выйти наружу.

– Доброе утро! Как спалось?

На нем джинсы и серая ветровка; в камине потрескивают дрова. Бо выглядит отдохнувшим и свежим, не то что я.

– Отлично.

А вот голос, грубый и хрипловатый, его выдает. Бо тоже не выспался. Он не мигая смотрит на меня, словно вбирает в себя. Мурашки по коже. Он явно не из тех, кто смотрит будто сквозь собеседника, мимо, как будто рядом вообще никого нет. Его взгляд острый и пронизывающий, и я испытываю непреодолимое

желание отвернуться.

Я прохожу на кухню и ставлю оладьи на маленький квадратный столик. Затем вытираю ладони о джинсы, хотя руки у меня чистые. С появлением гостя коттедж выглядит по-другому. Мягкое свечение огня сглаживает острые углы, делает цвета приглушенными, и комната кажется более уютной.

Я кладу белье и одеяла на ветхий серый диванчик напротив камина. Бо садится за стол и принимается за оладьи.

– Ты сегодня покажешь мне маяк? – В таком свете, в отблесках пламени, он напоминает тех молодых людей, что приплывают в город на рыбацких лодках. Они сильные и дерзкие, и кажется, будто их принесло сюда ветром и течением.

А еще он похож на человека, который оставил позади свое прошлое.

– Обязательно. – Я покусываю нижнюю губу и оглядываю коттедж. Высокие деревянные стеллажи рядом с камином уставлены книгами, старыми справочниками и расписаниями приливов и отливов. На всем десятилетний слой пыли. В небольшом фарфоровом блюде кучка отполированных морем голубоватых стеклышек, собранных на скалистых берегах за много лет. На верхней полке большие часы в деревянном корпусе – судя по всему, корабельные. Долгие годы коттедж служил жильем для множества приезжих работников. Кто-то из них провел здесь несколько недель, кто-то – несколько лет, и почти каждый что-то после себя оставил: безделушки, сувениры, осколки чьих-то жизней – намеки, но никогда не настоящая история.

Бо разделывается с завтраком моментально – я и не думала, что он так проголодался, – и мы выходим из жарко натопленного коттеджа под моросящий дождь. Пепельно-серое небо давит на плечи. Мои волосы тут же промокают.

Проходим мимо небольшой теплицы. Когда-то здесь выращивали травы, помидоры и зелень; теперь стеклянные стены потускнели и запачкались, так что внутри ничего не разглядеть. Остров забрал себе большинство построек, возведенных людьми. Гниль ползет снизу вверх, разрушает стены. Всякая поверхность неумолимо порастает мхом; в условиях постоянной влажности от него не избавиться. Ржавчина и плесень. Лужи и грязь. Смерть нашла путь всюду.

– Пение не прекратилось, – говорит Бо на полпути к маяку.

Мы идем по дощатому настилу, и каждый наш шаг отдается эхом. Да, голоса не исчезли. Они разлиты в соленом воздухе, смешаны с ветром и стали настолько привычными, что я едва различаю их на фоне других звуков.

– Пока нет, – соглашаюсь я, но на него не оглядываюсь. Не хочу снова встретиться с ним взглядом.

Вот и маяк. Я толкаю металлическую дверь, ржавые петли скрипят. Полумрак, воздух спертый, запах влажной древесины и сырых камней. Мы поднимаемся по винтовой лестнице, и по пути я предупреждаю Бо, на какие ступеньки нельзя наступать – многие из них проржавели насквозь или сломаны; время от времени приходится останавливаться, чтобы отдышаться.

– В тебя когда-нибудь вселялись? – внезапно спрашивает Бо почти у верхней площадки.

– Если и вселялись, то я не могу об этом помнить.

– Ты действительно в это веришь? И в то, что можно не знать, когда в твоем теле оказывается другая сущность?

Я останавливаюсь на одной из крепких ступенек и поворачиваюсь к Бо.

– Разуму проще справиться с негативом, если забыть о нем и отправить в подсознание. – Бо явно не удовлетворен ответом. – Для твоего спокойствия обещаю, – криво усмехаюсь я, – если одна из сестер Свон когда-нибудь будет внутри меня, я дам тебе знать, если, конечно, смогу.

Он вздергивает бровь и улыбается. Я снова устремляюсь вверх по лестнице.

Чем выше, тем сильнее ощущается ветер. Наконец мы добираемся до комнаты с фонарем. Мощные завывающие порывы ветра проникают через трещины в стене.

– Первым смотрителем маяка был француз, – рассказываю я, – он и назвал остров Люмьером. В те времена поддерживать фонарь и призмы в рабочем состоянии было намного сложнее, не то что сейчас, когда почти все автоматизировано.

– Откуда ты все это знаешь?

– От папы, – машинально отвечаю я. – После того как мои родители купили остров, он досконально изучил все о маяках. – Я с трудом сглатываю и продолжаю: – Лампу и стекла нужно проверять каждый день. И пару раз в неделю протирать все поверхности, потому что в соленом воздухе они быстро покрываются налетом. Ничего сложного. Зато во время шторма или в густой туман маяк может спасти жизнь рыбакам в открытом море. Поэтому мы не даем ему погаснуть.

Бо кивает и подходит к окну, чтобы посмотреть на остров.

Я же смотрю на него: широкие плечи, уверенная поза. Кто он такой? Что привело его сюда?

Туман навис серой пеленой, так что особо не разглядеть, что там внизу. Еще несколько минут Бо рассматривает окрестности, и мы спускаемся по винтовой лестнице.

Отис сидит на деревянном настиле снаружи и ждет, смаргивая дождь, пока я запираю дверь. Ольга расположилась чуть поодаль, вылизывая свой рыжий в полоску хвост. Они привыкли к вечному дождю и не боятся сырости, тут сдался даже кошачий инстинкт.

Мы идем к самой высокой точке острова, минуя старый фруктовый сад. Яблони сорта «бребурн» и анжуйские груши с веретенообразными плодами разрослись так, что больше напоминают лес. Говорят, что морской воздух губителен для фруктовых деревьев, но на Люмьере всегда хороший урожай. Такая вот аномалия.

– А как насчет сада? – спрашивает Бо, остановившись у последнего в ряду дерева.

– А что с ним?

– Деревья много лет никто не обрезал. – Он осторожно касается чахлой, почти без листьев ветки, словно может почувствовать историю дерева, просто прикоснувшись к нему. – Нужно убрать сухие ветки, подрезать все лишнее.

– Ты в этом разбираешься? – Руки начинают зябнуть, и я засовываю их в карманы плаща.

– Я вырос на ферме.

– Маме, по правде говоря, нет дела до сада.

– Но раньше им кто-то занимался. – Бо прав, раньше за садом ухаживали. Деревья плодоносили, давали урожай зимостойких яблок и груш. Но все это в прошлом. Теперь они разрослись и согнулись от ветра, а плоды мелкие и горькие. – Немного работы, и деревья проживут еще лет сто.

– Ты и правда мог бы возродить сад?

– Конечно, но это займет некоторое время.

Я смотрю на ряды деревьев с легкой улыбкой. Сколько же лет прошло с тех пор, когда он был по настоящему цветущим. Как и все на Люмьере, сад пришел в упадок. Но если можно спасти деревья – то, может быть, можно спасти и весь остров.

– Хорошо. Давай так и сделаем.

Он улыбается, и на миг наши взгляды встречаются.

Мы обходим остров по периметру, и я показываю Бо остальные постройки. Он старается идти не слишком близко, следит, чтобы не коснуться моей руки, переступает по камням осторожно и не торопясь. Однако украдкой бросает на меня взгляд – когда думает, что я этого не вижу, – тогда я сглатываю, стискиваю зубы и не смотрю в его сторону.

Мы останавливаемся на краю утеса, в самой западной точке острова. Волны с силой разбиваются о берег, оставляя на камнях пену.

Так близко к морю песня звучит как громкий шепот прямо в наших головах. Как будто сестры стоят рядом с нами, дышат в затылок.

– Сколько человек умирает? – спрашивает Бо.

– Что?

– Сколько человек умирает в тот месяц, когда сестры возвращались?

Я скрещиваю руки на груди, ветер треплет волосы.

– Каждая из сестер забирает одного… обычно.

– Обычно?

– В зависимости от обстоятельств.

– Каких обстоятельств?

Я пожимаю плечами, вспоминая лето, когда пять или шесть тел были найдены на берегу. Песок в волосах, соленая вода в легких…

– Наверное, в зависимости от того, как сильна их жажда мести.

– А как они выбирают?

– Выбирают кого?

– Того, кого хотят утопить.

Воздух застревает у меня в горле. Ни туда ни сюда, как будто рыба заглотила крючок.

– Наверное, так, как выбирали себе любовников, когда были живы.

– Так что же, они влюбляются в тех, кого убивают?

Я решаю, что Бо иронизирует, но, когда поднимаю на него взгляд, замечаю, что его глаза потемнели, а полные губы напряжены.

– Нет, вряд ли. Дело тут не в любви.

– Значит, месть?

– Месть.

– Идеальное оправдание для убийств. – Бо переводит взгляд туда, где полоса тумана поднимается вверх с поверхности моря, как облако дыма.

– Это не… – Я заставляю себя замолчать. Убийства. Так и есть. Можно назвать его проклятием, но суть не изменится: каждый год здесь происходят убийства. Преднамеренные. Жестокие, варварские убийства. Чудовищные по своей сути. Череда убийств длится две сотни лет. Город заново переживает прошлое, которого не может изменить, год за годом приносит жертвы. Око за око.

Убийства предсказуемы, как фазы луны. Как приливы и отливы. Смерть приходит и уходит.

Бо не торопит меня. И я молчу. Все мысли забились куда-то в глубокую темную нору. Я дрожу, холод пронизывает насквозь.

Мы смотрим на бурное море, и я спрашиваю:

– Все-таки почему ты приехал сюда?

– Я искал работу, – повторяет Бо. – Сел на автобус и доехал до конечной остановки.

– И ты раньше никогда не слышал о Спарроу?

Бо смотрит мне в глаза. Капли дождя висят на его ресницах, стекают по подбородку, по темным волосам.

– Нет.

И вдруг что-то меняется в ветре.

Внезапно над островом повисает тишина, от которой у меня по затылку пробегает озноб.

Пение прекратилось.

Бо подходит к самому краю утеса – будто оттуда легче расслышать умолкшие звуки.

– Закончилось.

– Сестры нашли себе тела, – выдавливаю я из себя. Тишина впивается мне под ребра, заполняет легкие. Я знаю, что будет дальше. – Они возвращаются.

Закрываю глаза, прислушиваясь к безмолвию. Это произошло быстрее, чем во все прошлые разы.

Пришел черед убийств.

Предупреждение

Мы ждем смерти с замиранием сердца.

Мы знаем, что смерть неизбежна.

И все же мы содрогаемся, когда она хватает нас за горло и тянет на дно.

Мемориальная доска на каменной скамье на Оушен-авеню.

Открыта в 1925 году.

Глава 6

Резиновые сапоги утопают в грязи, дождь моросит непрестанно, по рукавам дождевика стекает вода. Я иду через сад.

Мы разошлись час назад. Бо вернулся в коттедж, а я, хотя и собиралась лечь в постель – голова все еще гудит, все мышцы ноют, – решила побродить по острову в одиночестве.

Вот и знакомый старый дуб в центре сада. Мы проходили мимо него совсем недавно, но не остановились.

Сад – мое самое любимое место на острове. Здесь, укрывшись среди старых деревьев, я чувствую себя в безопасности и позволяю воспоминаниям течь нескончаемым холодным потоком. Дуб стоит отдельно от других деревьев, потрепанный штормами и наполовину засохший. Он уже рос на острове двести лет назад, когда сестры Свон впервые ступили на этот берег, когда они еще были живы.

Я провожу пальцами по стволу и нащупываю контуры сердца, вырезанные давно умершими влюбленными. Этих людей уже нет на свете, но сердце сохранилось.

Опускаюсь на землю у подножия дерева, прислоняюсь к стволу и поднимаю глаза: по небу несутся рваные тучи, пойманные непостоянными океанскими ветрами.

Сезон начался. И этому зажатому между горами и морем городку не уйти от расплаты.

* * *

С океана надвигается шторм.

Часы у кровати показывают одиннадцать. Половину двенадцатого. Полночь. Мне не спится.

Встаю и бреду через холл в ванную. Мысли постоянно возвращаются к Бо. Даже здесь, на острове, ему грозит опасность.

Через две двери, из комнаты мамы, доносится гудение вентилятора. Ей нравится, когда дует легкий ветерок, даже зимой; говорит, что иначе снятся кошмары. Я включаю свет и смотрю на себя в зеркало: губы бледные, волосы висят сосульками, вид у меня – будто несколько дней не спала.

Внезапно луч света проникает сквозь окно ванной и отражается в зеркале. Я прикрываю глаза ладонью. Это не маяк. Это что-то другое.

Прищурившись, смотрю сквозь забрызганное дождем стекло в сторону пологого берега. К причалу, замедляя ход, приближается лодка.

Кто-то приехал на остров.

* * *

Торопливо обуваю сапоги, набрасываю плащ и выскакиваю в парадную дверь. Ветер с завыванием проносится над скалами, нагибает до земли жесткие стебли травы, путает волосы.

По причалу мечется луч света. Такие мощные фонари нужны, чтобы по пути через бухту не напороться в тумане на остовы кораблей. Слышатся негромкие голоса, по меньшей мере двух человек, и шаги. Кто бы это ни были, они не пытаются скрыть свое присутствие.

Я закрываю лицо от особо сильного порыва ветра и внезапно слышу свое имя.

– Пенни!

Даже в темноте я различаю знакомые растрепанные рыжие кудри.

– Роуз? Что ты здесь делаешь?

– Мы привезли вино, – говорит Хит Белзер, тот самый парень, что обещал проводить Роуз домой после вечеринки. Теперь он стоит рядом с ней, держа в руке бутылку.

Лодка привязана кое-как, канаты свисают в воду. У родителей позаимствовал, не иначе.

– Пение прекратилось. – Роуз прикрывает рот ладонью, словно боится, что остров ее подслушает.

– Знаю.

Она делает несколько шагов в мою сторону, слегка покачиваясь, очевидно, уже успела выпить. Хит оборачивается к бухте. Волны бьются о причал. Совсем скоро там, в темных водах, распрощаются с жизнью как минимум трое молодых людей.

– Можно мы поднимемся на маяк? – Роуз меняет тему разговора. – Хит хочет посмотреть на остров с высоты. – Она делает брови домиком и прикусывает губу. Щеки розовые, глаза как блюдца – ни дать ни взять ангел во плоти. Я не могу не любить ее: и то, как она всегда освещает пространство вокруг себя, как будто яркая лампочка. Роуз как летний день и прохладный бриз одновременно.

– Конечно.

Она широко улыбается и увлекает меня вверх по дорожке. Хит идет за нами.

– Ты вчера вроде была не одна. Что за парень? – шепчет Роуз мне на ухо, горячо дыша парами алкоголя.

– Его зовут Бо. Я предложила ему работу на острове. Он поселился в «Якоре».

– Что ты предложила ему? – переспросила изумленная Роуз.

– Он искал работу.

– Совсем пьяная, что ли, была, раз наняла чужака? Ты же понимаешь, что он, скорее всего, один из туристов.

– Не думаю.

– Тогда зачем он сюда приехал?

– Точно не знаю.

– Пенни, – говорит Роуз, замедляя шаг, – как можно поселить на острове неизвестно кого? А вдруг он убьет тебя, пока ты спишь?

– У него больше поводов бояться за свою жизнь, чем у меня.

– Верно, – соглашается Роуз, натягивая рукава свитера на озябшие пальцы. – Подходящее время он выбрал, нечего сказать. Посмотрим, доживет ли до солнцестояния.

Холодок пробегает у меня по спине.

Мы поднимаемся на маяк. На лестнице Роуз теряет равновесие, и Хит едва успевает ее подхватить. Она хихикает.

Я распахиваю дверь в верхнюю комнату, ожидая, что там будет темно. Но лампа на белом столике справа у стены включена, и на ее фоне выделяется силуэт. Кто-то стоит, прислонившись к стеклу плечом.

– Бо?

– Привет. – Он оборачивается, в правой руке какая-то книга. – Решил посмотреть на шторм.

– Мы тоже, – сипло говорит подруга и приближается к нему. – Меня зовут Роуз.

– Бо.

Роуз с ухмылкой смотрит на меня и одними губами произносит: «Симпатичный».

Хит и Бо пожимают друг другу руки. Оглядевшись, Хит вспоминает о бутылке.

– Устроим маленькую вечеринку?

– Я, наверное, пойду. – Бо сует книгу под мышку.

– Ну уж нет, – фыркает Роуз, – мы тебя не отпустим. Трое – не вечеринка. А вот четверо самое то.

Бо поворачивается ко мне, словно спрашивая разрешения, но я только молча смотрю на него, не зная, что и думать, – он забрался на маяк в полном одиночестве, то ли почитать, то ли посмотреть на шторм, то ли еще зачем.

– Ладно, – с неохотой соглашается он.

Хит извлекает из кармана штопор и начинает откупоривать бутылку.

– Хит стащил из гостиницы родителей две бутылки, – говорит Роуз. – Одну мы выпили по дороге.

Вот почему она уже навеселе.

Стаканов у нас нет. Хит делает большой глоток и, прежде чем пустить бутылку по кругу, предлагает:

– Давайте поспорим?

– О чем?

– Как скоро в бухте найдут первое тело?

– Нездоровый интерес! – кривится Роуз.

– Может и так. Но все равно кто-то утонет, хотим мы того или нет.

Мы с Бо переглядываемся.

– Через три дня, – с шумом выдыхает Роуз, выхватывает бутылку из рук Хита и отпивает глоток.

– Три с половиной, – делает ставку Хит, глядя ей в глаза. Явно подыгрывает Роуз, хочет, чтобы их ставки были близки.

Роуз передает вино Бо. Он смотрит в бутылку, словно хочет найти ответ внутри, и, наконец, произносит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ernshou_shi/kovarnaya-bezdna

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить